

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

СПОСОБНОСТЬ ЛИЧНОСТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ ДЕФОРМАЦИЙ СВОЕГО РАЗВИТИЯ

© 1999 г. Л. И. Анцыферова

*Доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ,
главный научный сотрудник Института психологии РАН, почетный член РАО, Москва*

Перспектива установления в нашей стране капиталистических общественных отношений побуждает обратиться к опыту западных психотерапевтов-персонологов. Они выявляют деформации развития личности, искажения сознания, нерациональные интерпретации социальных ситуаций и другие психические нарушения, порожденные рыночной экономикой, господством конкуренции. Показывается, что здоровые, конструктивные силы человека противостоят неблагоприятному давлению общества и формируют в нем "пространства личной свободы".

Ключевые слова: рыночная экономика, конкуренция, деформация сознания и межличностных отношений, самоидеализация, тирания долженствования, внутренние диктаты, стремление к росту и здоровью, способность к постоянному позитивному изменению.

Быстро миновал период "перестройки" советского общества. Наступила эпоха построения нового общественного строя, ориентированного на капиталистические общественные отношения, на рыночную экономику с жестким механизмом конкуренции. В настоящее время наша страна находится в состоянии "аномии" (Дюркгейм). Неопределенность положения не уменьшается, возникают непредвиденные социальные процессы. Наши сограждане не чувствуют себя субъектами своих социальных действий, поступков. Реализация замыслов "архитекторов" нового общества приносит неожиданные негативные результаты. У многих людей происходит ломка их прежней системы ценностей – основы личностной идентичности. Попытки же обрести новые ценности оказываются мало результативными. И все же несомненно происходит медленная эволюция в сторону капитализма. В этих условиях перед отечественными психологами встает несколько проблем. Первая из них – как воспринимают происходящие социальные изменения наши сограждане, как выстраивают они новую свою идентичность, находят ли возможность реализовать себя. В новых условиях люди обрели свободу, но им трудно ответить на вопрос: "Свободу для чего?" Ведь главное – свобода созидания, но есть ли условия для ее реализации? Вторая проблема – попытаться предвидеть, каковы же могут быть психологические последствия укрепления капиталистического строя, рыночной экономики, отношений конкуренции. Именно этой проблеме и

будет посвящена данная статья. Наши коллеги в развитых капиталистических странах накопили богатейший опыт, раскрывающий влияние господствующих там общественных отношений на развитие личности, особенности сознания, на своеобразие психологических трудностей и способов их разрешения в чуждых нам условиях. В западных странах широкий размах получила психотерапия, на основе которой сформировалось подавляющее большинство наиболее содержательных концепций личности. Психотерапевты выявили многочисленные социально-психологические факторы, порождающие искажения сознания, тормозящие развитие личности. С методологической точки зрения практика психотерапии имеет большие преимущества по сравнению с практическим применением различных, особенно проективных, тестов. Критикуя метод тестов, Х. Томе небезосновательно сравнивает его с "выстрелами из засады" по незащищенным людям, которые совсем не хотели бы раскрывать перед посторонними тайники своей души [26]. Поэтому свою когнитивную теорию личности Томе предпочел построить на основе автобиографического интервью, в ходе которого участники эксперимента вольны по своему желанию строить ответы. К психотерапевтам же люди сами обращаются со своими страданиями, происхождения которых они не понимают или толкуют неверно.

Психотерапевтические истоки теорий личности жестко критиковал Г. Олпорт: психотерапевты, по его мнению, создают теории больной личности, а психологической науке нужна концепция здоровой личности, которую он и попытался создать. Есть, однако, основания полагать, что позиция Олпорта недостаточно корректна. У всяко-

*Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта № 98-06-08146).

го психотерапевта непременно есть концепция здоровой в психологическом отношении личности. Ведь процесс психотерапии направлен на позитивное преобразование сознания и поведения человека. Если воспользоваться понятиями теории Дж. Келли, то можно сказать, что теории психотерапевтов построены по принципу личных конструкторов – они дихотомичны и биполярны. На одном полюсе находятся представления о структуре страдающей, “проблемной” личности, на другом – идеи о личности полноценно функционирующей, развивающейся, овладевшей искусством жить. В ходе лечения терапевт выявляет социальные и социально-психологические факторы, являющиеся предпосылкой невротических состояний, и стремится изменить отношения человека к этим факторам, предложить альтернативные способы поведения в неблагоприятных условиях и т. п. Одни из персонологов – представителей социокультурного направления (А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм и их последователи) – усматривают истоки неврозов и личностных искажений в капиталистических отношениях. Но из всех них, пожалуй, только Фромм целью своего “гуманистического психоанализа” считает создание прикладной науки и прикладного искусства социальной реконструкции [12]. Другая группа психологов-психотерапевтов своей задачей считает выявление нерациональных, неразумных представлений людей о мире и о себе, которые препятствуют их полноценной жизни и продуктивной деятельности (А. Эллис, А. Бек). Наконец, есть и такие создатели личностных теорий, которые выделяют прогрессивные типы социальных отношений в капиталистическом обществе и типы индивидов, являющиеся эталоном здоровых, креативных, постоянно развивающихся людей (гуманистическое направление в психологии).

Прежде чем обсуждать содержательные результаты и выводы психологов, следует высказать некоторые свои исходные позиции.

Первая позиция. Любое общество крайне неоднородно, и чем выше оно развито, тем более разнородным становится. Кроме господствующих в нем отношений существуют отношения, прямо им противоположные. Общество есть совокупность различных жизненных миров. В нем можно обнаружить неизвестные еще изоляты. В социальные структуры вкраплены реликты – остатки некогда бытовавших обширных и своеобразных сообществ. В поддержании таких реликтов огромная роль принадлежит семейным или общинным традициям. Э. Эриксон писал, что во многих случаях он не мог понять происхождения тех или иных симптомов пациента или его идентичности. И вдруг совершенно неожиданно в рассказах пациента проскальзывал образ далекого гордого предка, черты которого бессознательно

присвоил его потомок¹. Неоднородность западного общества представлена в разных персонологических теориях. В то же время основные результаты психотерапевтической практики во многом совпадают: господствующие общественные отношения порождают сходную симптоматику у пациентов.

Вторая позиция касается взаимодействия индивида и общества. Социальные воздействия на человека не пассивно воспринимаются им. Они своеобразно осмысливаются, интерпретируются, интонированы, наделяются личностной значимостью, нередко искажаясь и односторонне воспринимаясь индивидом. Эта позиция реализуется в большинстве обсуждаемых ниже концепций. Но важнейшая форма иницируемой личностью и направленной на мир активности – конструктивно-преобразующая деятельность – слабо представлена в персонологических концепциях, хотя в процессе психотерапии пациентам предлагается реализовать выработанные ими новые убеждения в своем повседневном поведении.

Теперь обратимся к обсуждению социо-культурных психотерапевтических теорий. Их представители – К. Хорни, Э. Фромм – единогласно утверждают, что рыночная экономика, основанная на отношениях конкуренции, пагубным образом влияет на психическое здоровье и развитие личности. Согласно Фромму, в условиях капитализма человек находится перед экзистенциальным выбором – много иметь или “быть многим”, т.е. развивать в себе все заложенные в него природой общечеловеческие силы, способности, высшие потребности, добродетели. И множество людей под давлением общества предпочитают “иметь” в ущерб перспективе безграничного личностного развития. По словам Хорни, конкуренция реализуется не только в сфере экономики, она насыщает собой все области жизни (школу, семью, работу), формирует позиции презрения к слабым, зависть к сильным. Возникает феномен двойной морали. С одной стороны, успех вызывает у окружающих восторг, преуспевающий человек превозносится. Но люди не осведомляются, при помощи каких средств успех был достигнут².

¹ В условиях ломки сложившегося ранее общественного строя, в ситуации социальной аномии (Дюркгейм) реликтовые отношения могут актуализироваться и получать определенное распространение. Так, весной 1998 г. в отечественных средствах массовой информации появились сообщения о возобновлении у нас “института рабства”. Предприимчивые люди разными путями вербовали девушек-беженек из стран средней Азии и заставляли их работать до изнеможения за пищу и крышу над головой. Выказывавших недовольство беспощадно наказывали.

² Между тем, по мнению многих персонологов, обсуждающих проблему успеха в контексте вопроса о соотношении цели и средств, безнравственные средства трансформируют негативным образом самую высокую цель.

С другой стороны, общество в качестве моральных ценностей провозглашает скромность, неэгоистичность, нетребовательность. Эта диффузия морали порождает у человека внутренние конфликты, затрудняет обретение идентичности. Однако практика конкурентных отношений побуждает многих выбрать идеал преуспевания любой ценой. Непомерно развивается честолюбие, потребность в мстительном триумфе, стремление к внешнему успеху. Выявляя эти характеристики личности, поражающие исследователя своей распространенностью, Хорни неоднократно подчеркивает их происхождение, а также ответственность самого человека за выбор стиля жизни, соответствующего перечисленным выше ценностям. Она пишет: «Так как мы живем в мире конкуренции, эти замечания могут звучать странно и казаться не от мира сего. Во всех нас настолько глубоко укоренилось стремление обогнать соседа и быть лучше него, что мы воспринимаем эти тенденции как “естественные”. Но тот факт, что компульсивные стремления к успеху возникают только в мире конкуренции, ничуть не делает их менее невротичными. Даже в подобном мире существует много людей, для которых другие ценности – такие, как развитие человека, – важнее, чем достижение превосходства над другими» [16, с. 252]. Стремление достичь превосходства во всем перерастает в потребность *поиска славы*, которая формируется уже в детстве. Одна из пациенток Хорни – десятилетняя девочка – упорно утверждала, что лучше ослепнуть, чем не быть первой в классе [15]. Казалось бы, что это неодолимое *стремление к славе*, выступающее как ведущий мотив, как смысл жизни, предполагает упорное развитие своих талантов, приобретение широкого круга умений, желания развивать все свои силы. Но в действительности тяготение к развитию проявляется лишь у очень немногих. Дело в том, что растущего человека побуждает к успеху не его богатая одаренность, а навязываемый обществом шаблон, стереотип, отнюдь не отвечающий его скромной психологической оснастке. Его небольшие успехи остаются незамеченными другими. И субъект начинает деформировать собственное представление о себе или уходит в мир фантазий. По данным Хорни, у ее клиентов происходит формирование идеализированного образа своего Я как всемогущего, всезнающего, все умеющего, высоконравственного, вызывающего любовь и восхищение окружающих. Однако неизбежные в жизни неудачи, нейтральное отношение других людей заставляет человека чувствовать себя предельно жалким, ничемным, презирать и ненавидеть себя. Но эти переживания лишь усиливают его чувство должностного во что бы то ни стало, в любых ситуациях одержать победу, достичь цели. В душе человека происходит борьба несовместимых сил:

внутренних диктатов, компульсивных (навязчивых) потребностей, тирании долженствования и самоидеализации. Для удовлетворения этих стремлений растущий человек уже с детства вырабатывает три основные стратегии или личностные ориентации: “прилипание” к людям с бессознательной целью заслужить их любовь; агрессивное к ним отношение, вызванное тем, что они не подтверждают идеализированный образ Я; дистанцирование от людей для сохранения собственной автономии. Конфликт этих ориентаций, согласно Хорни, и порождает постоянную внутреннюю тревогу. По существу, в своем анализе стремления к славе и самоидеализации Хорни частично раскрывает психологическую структуру потребности во власти и превосходстве, которую Адлер представил в своих ранних работах как доминирующую потребность людей в “западном обществе”. Весьма содержательно тип личности (характера), порождаемый капиталистическими общественными отношениями, описал Фромм, назвавший его “рыночным” типом. Он, так же, как и Хорни, обратил внимание на нарушения в структуре “Я” личности с рыночной ориентацией. Человек не может ответить на вопрос “Кто Я”, его идентичность диффузна, зависит от спроса на рынке личностей. Позицию “рыночного” типа Фромм выражает в броском положении – “я тот, кого вы изволите” [12]. Нередко жажда славы удовлетворяется в мире фантазий и сновидений. Конкретизируя это положение, Фромм описывает поведение своего клиента, пришедшего с жалобами на состояние тревоги. Мужчина рассказывал, что с детства мечтал о воинской славе и воображал себя Наполеоном, перед которым в восхищении преклоняются солдаты. По просьбе терапевта пациент рассказал, что именно сегодня ночью видел себя на белом коне среди солдат, воздававших ему хвалу. Этому сновидению непосредственно предшествовал неприятный эпизод: начальник сделал ему замечание. Сновидение, следовательно, стало способом восстановления понизившейся самооценки, но способом фиктивным, не обеспечивающим поступательного развития субъекта.

Психологи-психотерапевты предупреждают, что многие потребности, выявляемые у людей, не справляющихся с жизненными трудностями и в результате центрирующихся на себе, есть и у полноценно развивающихся людей. Жизнь сложна, и людям приходится преодолевать ситуации несправедливой недооценки себя, искать помощи у окружающих, авторитетных людей.

Так, Хорни выделяет потребности в любви и одобрении, руководящем партнере, четких ограничениях, общественном признании, восхищении собой, самодостаточности и независимости, в безупречности и т. д. Но у так называемых невротиков, как правило, господствует и развивается до

непомерных размеров лишь одна из таких потребностей, от которой человек не может отделаться. Обычно она не осознается во всей своей непомерности и довлеет над ним. Среди них одной из самых пагубных для развития как личности, так и общества выступает ориентация человека лишь на себя, свой успех, славу любой ценой. Выделяемые Хорни три ориентации: на людей, от них и против них, в конечном счете, в своей основе обслуживают ориентацию лишь на себя. По мнению многих психологов, центрация на себе препятствует росту личности, ее движению “вверх”, к высшим ценностям. Выступая именно с этих позиций, ряд психологов весьма критически относятся к теориям самоактуализации, оправдывающим, по их мнению, эгоистические установки индивида, сосредоточенность на интересах собственного Я. С.Л. Рубинштейн, разрабатывая проблему развития человека как его стремления к уровню высших ценностей, подчеркивал, что уровень развития определяется тем, насколько субъект является светом и теплом для других людей. Он писал, что высшее оценивается не по отношению к самому человеку, не как простое самоусовершенствование. Оценка высшего – с точки зрения того, как оно и что изменяет, усовершенствует в других людях [9, с. 380]. В. Франкл противопоставляет теории самоактуализации свой взгляд на природу человека. Он доказывает, что человек изначально направлен не на себя, а на мир. В окрестном мире, в обществе, в других людях он только и может найти главный смысл (основной мотив, высшую ценность) своей жизни. В поисках смысла люди должны трансцендировать, выходить за пределы себя. Смысл своего бытия индивид может отыскать в деле, которому он предан, и которое отвечает его призванию, в заботе о других людях. Самоактуализация важна, признает Франкл, но не как интенция, намерение, автономная цель, а лишь как побочный результат созидательной деятельности. Лишь в той мере, в какой люди забывают о себе в деле, жертвуют себя миру, его требованиям и задачам, они осуществляют и себя. В своей книге “Человек в поисках смысла” Франкл описывает впечатления одного знаменитого американского психоаналитика, который побывал в Москве (имя ученого Франкл не называет) [10]. Этот психолог обнаружил, что в СССР неврозы встречаются реже, чем в США. По его мнению, такой факт можно объяснить тем, что в коммунистической стране люди занимаются необходимыми делами. Это положение дел психоаналитик расценил как поддержку теории Франкла: ориентация на осмысленное дело – залог душевного здоровья. При построении своей теории Франкл опирается на исследования, выполненные в 1933 г. и посвященные влиянию безработицы на психику людей. Одним из первых Франкл описал “невроз безработицы” как фено-

мен потери смысла жизни, заключающегося в нужном для общества деле. Значение смысла, личностно значимой цели, которой посвятил себя человек, оказалось, как показал Франкл, самым важным фактором выживания людей в условиях концлагерей.

Концепция логотерапии и критика теории самоактуализации оказали сильное влияние на Маслоу, заставили его эксплицировать свое понимание этого феномена и дополнить новыми положениями концепцию мотивации. Он прежде всего разъяснил, что уже изначально в качестве важнейших характеристик самоактуализированных людей выделяются их демократический характер и полная поглощенность тем делом, которое они считают своей миссией, призванием. Определяя способность самоактуализирующихся личностей делать в сложных социальных ситуациях “правильный выбор”, Маслоу подчеркивает: «“Правильный выбор” в данном случае значит “ведущий к их самоактуализации и самоактуализации других людей”» [7, с. 209]. Позднее он ввел в свои работы понятие “трансценденция”, указал многообразные пути осуществления выхода человека за свои пределы, описал своеобразие личностей трансцендентов. Понятие “трансценденция” существенно обогащает онтологическую концепцию человека, индивида. В его исторически сформировавшейся природе заключена особая способность – сомневаться в конкретно-историческом, в сущности, подниматься над ним и пытаться совершенствовать или отрицать наличное как препятствующее неисчерпаемому развитию человека. Качество трансцендентности высвечивает особые параметры масштабности конструктивных сил человека.

Все человеческие стремления (потребности) Маслоу разделил на дефицитарные (D-потребности или мотивы нужды) и потребности роста, развития, реализации высших ценностей (ценностей Бытия или область метамотивации – стремления к добру, справедливости, истине и т. п.). В понятие трансценденции вошли составляющие потребности и способностей, желания и возможности человека выйти за пределы существующего общества, господствующих общественных отношений, распространенных в социуме шаблонов и стереотипов. Есть основание предполагать, что понятие трансцендентности входит в фундамент теории морального развития Л. Колберга [24]. Его концепция стадийного развития морали указывает на то, что способность к трансценденции развивается постепенно и тесно связана с целостным развитием личности. Колберг выделяет три уровня в становлении морали – доконвенционный, конвенционный и постконвенционный. Каждый уровень включает две стадии. В данном контексте интересен постконвенционный уровень. Достигая пятой стадии, люди

начинают критически относиться к существующим в своем обществе нормам. Распространенные в социуме нравственные ценности уже не воспринимаются ими как равнозначные, но располагаются в иерархическом порядке. Формируются убеждения в том, что определенные правила и установления должны быть пересмотрены, что в обществе должны существовать демократические процедуры для изменения определенных норм, несправедливых законов, для улучшения данного общества.

На шестой стадии, называемой Колбергом “универсальные принципы”, люди выходят за пределы своего общества в пространство всего человечества. Они руководствуются принципом – все люди достойны уважения и представляют величайшую ценность. Чтобы утвердить эти принципы, представители шестой стадии одобрили бы акты гражданского неповиновения, которые едва ли поддержали бы люди, стоящие на пятой стадии. Поскольку среди выборки Колберга нашлось крайне мало людей, которых можно было бы отнести к шестой стадии, он назвал ее “теоретически возможной”. Но речь не идет об обсуждении данных стадий. Важен феномен трансценденции, опосредствующий влияние социальных структур на поведение и чувства личности. В работах К. Хорни, Э. Фромма, Дж. Келли, К. Юнга, А. Маслоу, Х. Томе и других психологов выявляются тонкие психологические процессы и образования, которые влияют на интерпретацию, осмысливание, интонирование субъектами общественных отношений, событий, жизненных ситуаций, межличностных связей. Психотерапевты выделяют совершенно необычные структуры сознания, которые искажают восприятие окружающего мира и вызывают неадекватные чувства. Значительный вклад в изучение таких структур внесли работы когнитивно ориентированных психотерапевтов – А. Эллиса и А. Бека.

А. Эллис – создатель когнитивно-эмотивной психотерапии. Основной его тезис таков. Различные эмоциональные нарушения вызываются у человека не событиями или ситуациями самими по себе, но опосредствующими восприятие иррациональными (иррациональными) убеждениями или идеями. В их структуре когнитивные (информационные) аспекты жестко связаны с оценочными, эмоциональными. В своих работах 50-х гг. Эллис выделил 27 искажающих реальность идей. В статьях 80-х гг. он сообщает, что обнаружено уже сто таких идей [22]. Вот их примеры: если какое-либо событие сильно повлияло на вашу жизнь, то такие события будут постоянно преследовать вас; человек непременно должен быть во всех отношениях компетентным, преуспевающим. Необходимо, чтобы он все знал, умел, понимал; совершенно необходимо, чтобы каждое действие или поступок были привлекательными для

окружающих; это настоящая катастрофа, если дело идет не так, как хотелось бы; все без исключения беды навязываются нам внешними обстоятельствами или людьми; поступки людей, как правило, порочны – повинных в них надо строго наказывать и т. д. Эти идеи Эллис попытался объединить в четыре группы иррациональных установок: 1) катастрофические установки. На их основе каждое неприятное событие оценивается как ужасное, чудовищное, невыносимое; 2) установки долженствования. Они включают убеждения, что мир держится на универсальных позитивных принципах, таких, как “все люди обязательно должны быть честными”, “мир должен быть справедливым” и т. п.; 3) установки обязательной реализации своих потребностей и стремлений. Конкретное содержание таких установок очень сходно с позициями, порождаемыми идеализированным образом своего Я (по Хорни). Например: “Я непременно должен быть на высоте своей профессии, иначе я ничего не стою”; 4) оценочная установка. Человек с такой установкой оценивает не отдельные черты или поступки других людей, но их личность в целом. Иначе говоря, отдельный аспект индивида отождествляется со всей его целостностью. В работах Эллиса весьма значимым в теоретическом плане является положение о том, что не события сами по себе, но оценочное отношение к ним человека порождает те или иные чувства, и если эта оценка негативно гиперболизируется, генерализуется, то могут возникнуть разные эмоциональные нарушения. Важно и то, что, сталкиваясь с подобными симптомами, Эллис пытается выяснить определенные внутренние условия, порождающие их. Но анализ его оказывается незавершенным – и не только потому, что не затрагивает определенные фундаментальные структуры “внутреннего”, – он не раскрывает важную роль внешних – социальных условий, делающих трудно устранимыми иррациональные установки. Более углубленный анализ “внутреннего” был предпринят Е.Ф. Колобовой [6]. Проведенные ею исследования показали, что связь иррациональности с эмоциональными нарушениями опосредствуется такой обобщенной характеристикой личности, как низкая степень психологической дифференцированности когнитивной сферы человека. Эта характеристика включает, в частности, полезависимость, вербальный реализм и акцентированную ориентацию человека на свое социальное окружение, на группу в ущерб собственной автономии. Такая особенность личности, по данным Е.Ф. Колобовой, сочеталась с наличием определенных иррациональных установок и у людей без признаков невротизма. Что касается внешних факторов, то исследования Фромма и Хорни дают основания предполагать, что состояние общества, типы организаций и господствующие общественные от-

ношения способствуют сохранению у человека нерациональных установок и обуславливают попытки “невротиков” удержать или восстановить их. Сам Эллис был весьма обескуражен фактом кратковременности освобождения своих пациентов от их нерациональных убеждений. Терапевт применял директивную терапию: доказывая несостоятельность нерациональных идей, учил оценивать неприятное событие не в понятиях “ужасно”, “невыносимо”, а с использованием выражений типа “было бы лучше, если обстоятельства сложились иначе”, требовал, чтобы его собеседники логически обосновывали свои позиции, давал задания в реальном поведении отказаться от своих установок. В результате “магическое мышление”, как выражается Эллис, исчезало, но лишь на некоторое время. Можно предполагать, что социальная действительность и определяющая внутренняя потребность приводят к возвращению прежней системы убеждений.

Мысль о такой особой потребности личности подсказывается наблюдениями Дж. Келли, приведшими его к созданию теории личных конструктов. Разрабатывая в 20-е гг. проблемы педагогической социологии, образования, физиологической психологии, он одновременно занимался и психотерапией. Сначала он предлагал своим пациентам фрейдистскую интерпретацию симптомов и констатировал значительное улучшение их состояния. Затем он опробовал другие психотерапевтические системы, и каждый раз лечение оказывалось успешным. Этот факт привел его к выводу, что люди для сохранения своего психического здоровья нуждаются в связной философии жизни, в определенном мировоззрении. Человек может быть удовлетворен любым, пусть несколько деформирующим действительность мировоззрением, и лишь на высоких уровнях личностного развития он стремится к обоснованной, продуманной, осознанной философии жизни. Эллис, развенчивая иррациональные идеи, не предлагал рациональную, связную систему идей, что и приводило к актуализации прежних позиций. Еще более значимую роль в приверженности к нерациональному мышлению должны, предположительно, играть социальные условия.

В любом высокоразвитом обществе существуют различные принципы организации производства, практикуются разные способы управления. Авторитарное руководство порождает у подчиненных “тиранию долженствования” и стратегию поиска одобрения руководящего лица. Эллис описывает следующий случай из своей практики. Один из его клиентов признался, что при общении с терапевтом он испытывает сильную тревогу. Из его рассказов о своем детстве выяснилось, что мать пациента, переживаемая им как авторитет, постоянно указывала мальчику на его упущения, ошибки и недостатки и вызывала у ребенка

чувство тревоги. Сообщая о этом, пациент обрел, по выражению Эллиса, ошибочный инсайт. Он “догадался”, что в результате опыта детства каждая авторитетная фигура делает его тревожным. Эллис, однако, отверг такое предположение и усмотрел истоки негативных эмоций клиента в нерациональном убеждении, будто такие фигуры обязательно должны пациента одобрять. Отсутствие одобрения грозит катастрофой, “это ужасно”. Такое толкование было принято пациентом. Но анализ должен был бы продвигаться дальше. Успешность профессиональной жизни в условиях конкуренции, тем более в системе авторитарного управления, во многом зависит от благоволения руководящих лиц, и отсутствие поощрений или критические замечания могут указывать на неблагоприятные профессиональные перспективы. Можно выдвинуть также предположение, что ситуация неопределенности, невозможность прогнозировать развитие социальных процессов должны порождать нерациональные установки. Эта гипотеза применительно к переломному периоду в жизни нашей страны ставит перед отечественными психологами проблему изучения степени рациональности тех идей, той философии жизни, которая характеризует сознание наших сограждан.

Другие представители когнитивных теорий личности и когнитивной психотерапии предпочитают говорить не об иррациональных моментах мышления, а о пунктах когнитивной уязвимости, “о дисфункциональных схемах мира”. Так, А. Бек, утверждая существование неверных убеждений, исследует феномены односторонних стратегий формирования таких убеждений, непродуктивной проблематизации мира субъектами. В отличие от Эллиса, который ограничивает свои задачи лишь выявлением разных нерациональных идей, Бек ставит вопрос о происхождении когнитивных неэффективных стратегий. Он считает их результатом недостаточного развития социальных умений, ошибок научения. Поэтому его терапия может быть определена как помощь в развитии “социального мышления”, социально-когнитивных умений. Беку удалось выявить разнообразные когнитивные искажения окружающей действительности, которые он считает присущими людям с невротическим складом. Но они, по нашим наблюдениям, встречаются и у людей здоровых, т.е. благополучно справляющихся с многочисленными жизненными трудностями. Искажения эти таковы (см. [4]). 1. *Персонализация*. Она выступает как склонность интерпретировать действительность с позиций личной значимости. Люди при этом переоценивают свою связь с социальными ситуациями. Так хмурый вид случайного прохожего субъект интерпретирует как признак того, что встреченный человек чувствует к нему отвращение. Не логично ли предполагать, что та-

кой тип искаженного восприятия должен быть у людей, психологически зависимых от других лиц, т.е. считающих, что их судьба определяется лишь стечением обстоятельств и окружающими. 2. *Дихотомическое мышление*. Оно раскрывается как склонность мыслить крайностями. Все события либо ужасны, либо прекрасны. 3. *Выборочное абстрагирование*. Оно представляет собой интерпретацию ситуации на основе одной ее детали, без учета целостного контекста. 4. *Произвольные умозаключения* – они не подтверждаются фактами и даже противоречат им. 5. *Сверхгенерализация*. Она выступает как широкое обобщение, построенное на основе лишь единичного случая. Так ребенок делает единственную ошибку и с горечью заключает: “Я все делаю неправильно”. 6. *Преувеличение*. Это искажение родственно феномену катастрофизации действительности. Такие и иные когнитивные искажения действительности Бек конкретизирует в зависимости от типа невротического склада. Так, например, тревожные личности ориентированы на поиск в разных ситуациях признаков опасности, катастрофы, они игнорируют черты, указывающие на безопасность. Люди с симптомами депрессии воспринимают мир как совокупность непреодолимых барьеров и невыполнимых требований и т.д. Если попытаться выявить, неудовлетворенность каких основных потребностей порождает многочисленные деформации личности, ее сознания и чувств, обнаруженные разными психотерапевтами, то можно заключить: это – потребности в уважении, самоуважении, сопринадлежности, любви, безопасности и защите, которые Маслоу отнес к дефицитарным мотивационным силам. Исключение составляет лишь потребность в смысле, причисленную Франклом и Маслоу к высшим стремлениям человека.

КРЕАТИВНЫЕ СИЛЫ ЧЕЛОВЕКА В БОРЬБЕ С ДЕФОРМИРУЮЩИМИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИМИ УСЛОВИЯМИ

Все выделенные в психологии и в психотерапии деформации личности, ее отношений к миру, дефекты сознания, когнитивные искажения, нерациональные убеждения порождают, по крайней мере, три взаимосвязанных вопроса. Первый из них касается генеза, истоков, предпосылок возникновения и формирования различных личностных деформаций. Второй вопрос относится к выявлению условий, способствующих становлению здоровых, успешно функционирующих, продуктивных членов общества, преодолевающих немалые социально-психологические трудности.

Наконец, третий вопрос непосредственно касается психотерапевтической практики: как возможно усилиями психотерапевта преодолеть не-

гативное влияние мощных социальных структур и побудить своих пациентов по существу начать по-новому строить свою жизнь, изменить отношение к миру, обрести способность к полноценному развитию?

При обсуждении проблемы генезиса и предпосылок деформаций в складе личности, ее сознания и путях развития мнения психологов значительно расходятся. Так, Эллис считает, что фактически все люди рождаются с весьма выраженными тенденциями к нерациональному восприятию своего мира, прежде всего социального, к превращению своих желаний и предпочтений в догматические долженствования (*musts, shoulds, oughts*). По мнению Эллиса, люди, конечно, способны к рациональному мышлению, но когда сила их желаний возрастает, начинает преобладать иррациональная интерпретация событий и требований [21, 22].

Большинство же психологов истоки трудностей “в искусстве жизни” (Фромм), генезис неудач в решении повседневных проблем и невротических расстройств усматривают в переживаниях детства. При этом каждый из ученых в соответствии со своей концепцией личности выделяет разные стороны трудностей детской жизни. Исключением является, пожалуй, лишь Г. Олпорт. Он исходит из своего положения о существовании у человека *проприативной функциональной автономии мотивов*. В этом положении подчеркивается, что у развивающегося человека на протяжении жизни возникают новые интересы, новые мотивы, которые не имеют связи с прошлыми, в частности, детскими побуждениями. Они обладают собственной энергетикой. Поэтому Олпорт считает, в противовес Э. Эриксону, что “первый год жизни наименее важен для личности” [19, с. 78]. По мнению Олпорта, уровень психического здоровья людей определяется тем, насколько их свойства (черты) выступают независимыми от черт, проявлявшихся в детстве. Олпорт признает существование у человека и так называемой *персеверативной функциональной автономной системы*; которая сохраняет преемственность с прошлым, но лишь на уровне элементарных, скорее, органических потребностей. Прямо противоположна взглядам Олпорта позиция Адлера, своеобразие которой выражается в двух его положениях – о значимости главных целей, определяющих стиль жизни субъекта и о стремлении к превосходству, полному совершенству. Именно в детстве, по Адлеру, эти стремления конкретизируются в определенных целях, пронизывающих весь жизненный путь или лейтманию его жизни. Даже частичные неудачи в погоне за недостижимой целью приводят человека к неврозу. Руководствуясь этими идеями, Адлер разработал метод анализа наиболее ярких воспоминаний детства у своих пациентов. В его работах содержится большой эмпирический

материал, подтверждающий выдвинутую ученым гипотезу. Приведем хотя бы один “случай”. Пациентка Адлера рассказала о врезавшемся в ее память следующем эпизоде. Ей в возрасте четырех лет подарили на день рождения головоломку, с которой она не могла справиться. В то же время другие дети все-таки сумели решить эту задачу. Потом мама показала девочке, как нужно было обращаться с загадочной игрушкой. И с тех пор вся жизнь этой женщины, как заключил Адлер на основании ее рассказов, была направлена на решение во что бы то ни стало трудных, требующих напряжения интеллекта, жизненных задач. Эта компульсивная потребность добиться интеллектуального превосходства в любых обстоятельствах и привела женщину к терапевту.

В отличие от Адлера другие психологи считают самым важным фактором, определяющим успешность развития личности, те отношения, которые складываются у пришедшего в мир малыша с его семейным окружением – матерью, обоими родителями, сиблингами (братьями и сестрами). Значимость семейных отношений, методов воспитания, действительно, очень велика. Ведь современная семья – это превращенная форма общества, основанного некогда на кровно родственных отношениях. Сократившись до минимума, семейная организация сохранила и развила такие уникальные отношения между своими членами, которые обеспечивают их жизнеспособность и позволяют проявляться лучшим сторонам природы человека. По Фромму, отношения матери и ребенка – модель самых глубоких, самых человеческих отношений между людьми, удовлетворяющих главную потребность человека – в любви. На примере любовных отношений к детям Фромм анализирует такие характеристики любви, которые не выделялись другими исследователями. Так, например, любящая мать замечает симптомы потребностей ребенка, его беспокойства еще до того, как дитя явным образом выразит их. Мать тонко воспринимает любую информацию, поступающую от ребенка, и адекватно отвечает на нее. Семья должна передать ребенку чувство, что он желанен миру. И тогда, по словам Фромма, ребенок делает самый главный свой выбор – выбор в пользу жизни. Атмосфера безопасности, защищенности, доброй воли окружающих позволяет ребенку не тормозить спонтанность своих интересов, чувств, потенциальностей. Эта позиция Фромма родственна установкам Эриксона. Именно в условиях безусловного принятия окружающими у малыша в возрасте до двух лет, по Эриксону, формируется основополагающее отношение к миру и к себе – базальное доверие в противовес недоверию³. При этом, как указыва-

ется в последней книге Эриксона, преобладание качества недоверчивости порождает плохое сенсорное развитие ребенка, неприятие себя, недоверие к своим возможностям [23]. Есть основания предполагать, что для раннего детства весьма важно удовлетворение тех потребностей, которые Маслоу назвал дефицитарными [8]. В то же время, гиперопека, попустительство, неумеренная похвала порождают уже в раннем детстве не только отрицательные личностные качества – такие, как своеволие и бесстыдство (Э. Эриксон), – но и невротические тенденции. Так, Э. Фромм в своей книге “Человеческая ситуация” предупреждает, что уже в детстве возникают мечты о всесии, превосходстве, которые нужно немедленно пресекать [13]. Маслоу проблемам “контроля и границ” посвятил раздел книги “Психология бытия” [7]. Он пишет: “... маленький ребенок нуждается не только в удовлетворении своих потребностей; ему также нужно знать их пределы, установленные физическим миром, и необходимо осознавать, что другие человеческие существа также ищут удовлетворения своих потребностей... Это означает необходимость контроля, самоограничения, самоотречения, терпения, дисциплины и умения пережить разочарование” [7, с. 203].

В свете выявленных психологами феноменов “тирании долженствования”, генерализации самооценок, абсолютизации требований и запретов, проблема определения субъектом границ их действия представляется достаточно актуальной, затрагивающей психологию детства и взрослости. Ведь ни семейное окружение, ни общество не предъявляют к человеку требования в жесткой, безусловной форме, предполагающей их выполнение при любых обстоятельствах и любой ценой. Психологам предстоит выяснить, какие процессы порождают негибкие, по существу, самопоражающие позиции по отношению к направленным социальным воздействиям у человека уже в раннем детстве.

В качестве весьма неблагоприятных условий воспитания ребенка в семье выделяются: непоследовательность поведения родителей, их лицемерие, пренебрежение к потребностям ребенка в безопасности, защите, любви. В таких условиях, по наблюдениям Хорни, у малыша не формируется чувства “мы”, сопринадлежности, возникает переживание базальной тревоги. Пытаясь преодолеть негативные чувства, ребенок старается всеми средствами заслужить любовь родителей, и этот, уже навязчивый способ поведения переносится на взаимоотношения с другими людьми. Особенно неблагоприятно сказываются, по Хорни, ссоры родителей, в которых каждый из них стремится одержать победу. Становясь на сторону одного из них, ребенок начинает ненавидеть другого, но тут же испытывает чувство вины, и ненависть переносится на себя и поддерживаемо-

³ Как указывает Хорни, впервые понятие “базальное доверие” ввела в психологический обиход Мэри Рейси в 1946 г.

го им родителя. Так формируются обобщенные невротические отношения растущего человека к окружающим: “прилипание” к ним, агрессивная установка, или позиция дистанцирования. Пытаясь выделить наиболее важную потребность ребенка, депривация которой может затормозить или деформировать его дальнейшее развитие, Маслоу небезосновательно заключает: “потребность в безопасности является самой основной и доминирующей потребностью ребенка” [7, с. 81].

Соглашаясь с тезисом о негативной роли неблагоприятного детства в развитии личности, нужно дополнить его по крайней мере двумя важными положениями, которые согласуются и с выводами некоторых персонологов. Во-первых, ребенок с самого начала выступает как активное существо, обладающее способностью своеобразно относиться к тому, что происходит вокруг него. Он сам создает свой индивидуально-своеобразный мир. Прав Адлер, который считает, что основу закладывающейся в детстве душевной структуры образуют не объективные значения ситуаций, людей, вещей, а индивидуальные впечатления, производимые ими на растущего человека. Адлер разъясняет, что не сам по себе недостаток, присущий ребенку, или убогие семейные условия порождают у него чувство, а затем и комплекс неполноценности, но отношение ребенка к ним. Выразительным подтверждением этой позиции может служить судьба Лео Брауэрмана, родившегося с почти фатальными деформациями, но сумевшего стать хозяином своей судьбы (см. [5]).

Второе положение касается опасности абсолютизации благоприятных условий детства. Несомненно, ребенок должен чувствовать себя защищенным, желанным, ощущать себя частью сильного “мы”. Но он должен уметь противостоять, защищаться, переносить поражения и огорчения. Нам представляется весьма обоснованным пересмотр Эриксоном своей эпигенетической стадияльной концепции развития личности. В первом ее варианте признаком благополучного разрешения стадияльных конфликтов он считал появление у развивающегося человека качеств доверия к миру и к себе, автономии, инициативы и т. д. В окончательном же варианте новообразования каждой стадии, названные им адаптивными силами человека, предстали как баланс доверия-недоверчивости, автономии – стыда и сомнения; инициативы – вины и т. д. [23, с. 45]. Маслоу, подытоживая свои исследования условий, необходимых для развития у растущего человека способности к самоактуализации, парадоксальным, казалось бы, образом включает в их число страдания, печали, тоску и смятение. Иначе, по его словам, “возникает избалованность, за которой стоит наше неуважение к целостности человека, внутренней природе и дальнейшему развитию индивидуальности” [7, с. 32]. Но все же в

детской жизни должны преобладать условия, способствующие формированию у малыша реалистического отношения к себе и миру, чувства своей нужности, защищенности, безопасности. Они, по словам Маслоу, образуют тот плацдарм, на который человек может временно отступить в тяжелые моменты жизни.

Насколько же предопределяет психологически тяжелое детство, порождающее деформации сознания и личности, стиль жизни человека, качество отношений с другими людьми? На этот вопрос Хорни отвечает так: “... если ситуация раннего детства не слишком препятствует спонтанному развитию ребенка, то последующий опыт, в особенности юношеского возраста, может оказывать влияние на процесс формирования... Если, однако, воздействие раннего опыта было достаточно сильным, чтобы сформировать ребенка согласно некоторому ригидному образцу, то никакой новый опыт повлиять не сможет” [15, с. 40]. Однако, в своем позднейшем труде Хорни развивает гораздо более оптимистический взгляд на природу человека и его возможности позитивно изменяться. Она заявляет о своей вере в то, что “человеческая личность может меняться. Влиянию поддается не только маленький ребенок. Все мы до тех пор, пока живы, сохраняем способность к изменению, даже к фундаментальному изменению. Эта вера подтверждается опытом” [16, с. 233].

Бесценные данные могли бы быть получены при изучении детства тех людей, которых Маслоу выделил в качестве самоактуализирующихся и трансцендирующих. Но, к сожалению, Маслоу сообщает, что не располагает такими данными, хотя в числе выделенных им людей были и его коллеги. Очень сложным оказывается и вопрос о том, что такое “хорошее”, “благополучное” детство. Равнозначно ли оно детской жизни, наполненной только радостями, удачами, атмосферой полной безопасности? Конкретные исследования показывают, что дети способны преодолевать в раннем детстве большие трудности и лишения, успешно развиваться, несмотря на них. В книге “Неуязвимый ребенок” проанализировано много таких случаев [25, с. 159]. Вот лишь один из них, известный как “случай Врени”. Речь идет об очень неблагополучной швейцарской семье. Отец и мать психически заболели, когда их дочери Врени было 2 года. Когда мать была госпитализирована, всю семью на свое попечение взяла четырнадцатилетняя Врени. В доме всегда было чисто. Опрятно одетые дети, достигнув определенного возраста, начинали посещать школу и прилежно учились. Девочка присматривала и за отцом. Врач-психотерапевт предлагал Врени свою помощь в хозяйстве, но девочка отказалась. Лишь одно желание высказала она – стать дипломированной воспитательницей. К ней пригласили

частного преподавателя, и она была принята в учебное заведение. Однако заботы о семье побуждали ее оставить учебу. В 22 года Врени вышла замуж, успешно растила двух своих здоровых дочерей, с сочувствием относилась к отцу. Она чувствовала себя необходимой, счастливой, компетентной [20].

Еще более поразительной является судьба самого Маслоу. Он пишет, что в детстве был глубоко несчастен, одинок и печален. Отношения с матерью были наполнены горечью и ненавистью. За малейшие проступки мать – жестокая и невежественная женщина – бранила и проклинала мальчика. Отец – любитель виски, драк и женщин – внушал сыну, что он уродлив. Маленький Абрахам не находил поддержки и вне дома – он был евреем среди детей иной национальности [17]. Переживание своей, скажем так, неполноценности оставалось у Маслоу и в годы учебы. Но однажды, как он пишет, ему в голову пришла мысль: “Неужели я ничего не стою, если обладаю высочайшим коэффициентом интеллекта – 190?”. И его представление о себе, да и манера поведения сильно изменились. Позднее, став известным ученым, он на основе наблюдений и собственного опыта пишет о необходимости тщательно изучать мотивы плохого поведения детей, влекущие наказания, и связанные с ними тягостные переживания, стремления к всевластию или, выражаясь словами Хорни, “мечты о мстительном триумфе”. Ведь мотивация “плохого” поведения, поясняет Маслоу, может быть вполне здоровой – “мальчик просто сопротивляется эксплуатации, тирании, невнимательному к нему отношению, презрению и подавлению” [7, с. 31]. Направляя свои соображения в русло проблемы самоактуализации, он задается вопросом: “Возможны ли развитие и самоактуализация без каких бы то ни было страданий и печалей, без тоски и смятения. Если вышеперечисленные ощущения в какой-то мере необходимы и неизбежны, то в какой?” [7, с. 32]. Ответ Маслоу таков: “Если мы не будем давать человеку пройти через боль или будем оберегать его от страданий, то это может вылиться в своеобразную избалованность, за которой стоит наше неуважение к его целостности, внутренней природе и дальнейшему развитию индивидуальности” [7, с. 32].

Итак, трудное, неблагополучное детство фатально не определяет возникновения искажений личности, невротической деформации сознания. Необходимы дополнительные исследования, чтобы обнаружить те травмирующие обстоятельства, которые могут воспрепятствовать здоровому развитию личности. Есть основания предполагать, что возникшие в детстве нерациональные позиции, деформации характера, невротические симптомы станут тормозить самоактуализацию личности лишь в том случае, если растущий человек будет вновь и вновь попадать в ситуации, ана-

логичные пережитым в детстве и навязывающие ему неадекватные (но смягчающие тяжелые переживания) нерациональные формы поведения. При этом должна быть проверена и другая гипотеза: сложившиеся в детстве нереалистичные, однобокие интерпретации могут исказить истолкование и осмысливание даже самых благоприятных для развития растущего человека ситуаций взаимоотношений людей.

Обсуждение второго вопроса – об условиях, способствующих становлению полностью функционирующих, продуктивных, самореализующихся людей, помогающих актуализации других членов общества, – способен дать более содержательный ответ и на первый, и на третий вопросы. Прежде всего еще раз подчеркнем, что любое общество весьма неоднородно. В нем более или менее значительное место занимают демократические отношения, здоровые социальные силы, которые обеспечивают развитие общества в направлении реализации высших духовных ценностей. В обществе есть “пространства личной свободы”. По словам В. Франкла, даже в условиях концлагерей можно было их обнаружить. Здоровые силы общества – это реальные люди. В природе каждого человека заложена способность противостоять давлению несовершенных, дисгармоничных норм, стереотипов, шаблонов. В своей книге “Душа человека” Фромм развивает идеи о том, что человек есть активный деятель, противостоящий мощному давлению неблагоприятных социальных сил [11]. В трудах Фромма, Маслоу, Адлера фигура человека в единстве его всеобщности и уникальности поднимается высоко над плоскостью общества. По Адлеру, основная потребность человека – это социальное чувство; оно есть врожденное стремление индивида к кооперации и сотрудничеству.

Согласно Фромму, человек – и объект, и субъект исторического процесса. Он субъект своей жизни, которая предстает как процесс создания человеком самого себя. Исходя из своего положения о трагичности человеческого существования, отделенного непроходимой пропастью от остальной природы в результате уникальной способности к осознанию и разуму, Фромм выделяет следующие потребности человека: 1) в единении с другими, в заботе о них; 2) в трансценденции, в выходе за пределы себя путем актов творения, созидания; 3) в укорененности; 4) в идентичности, предполагающей переживание себя субъектом своих действий; 5) в разумной ориентации в мире. Основу всех этих глубоко человеческих потребностей образует, согласно Фромму, потребность в любви. Он пишет, что говоря о любви, “мы говорим о самой главной и истинной потребности каждого человека” [13, с. 227]. Фромм предупреждает, однако, что в “современной западной культуре” сформировались определенные усло-

вия, нередко ведущие к извращенному удовлетворению этих потребностей. Так, единение с другими, сочетающееся с сохранением индивидуальности и автономии, заменяется “стадным” конформизмом или стремлением к власти; потребность в идентичности реализуется в частных идентификациях – “я – американец”, “я – бизнесмен”, “я – протестант” и т. д. Тем не менее, свойственное человеческой природе тяготение к здоровью, росту, развитию – основа созидания людьми здоровой культуры, способствующей преобладанию у них моральных ценностей или добродетелей.

Исследования способности людей подняться над труднейшими жизненными условиями – такими, как войны и концентрационные лагеря, над ситуациями катастрофических потерь и мучительных неизлечимых заболеваний, – позволяют утвердить положение о том, что человеку эволюционно присущи конструктивные силы. Эти силы побуждают его энергично противодействовать неблагоприятным социальным воздействиям, стремиться создать новые общественные отношения. При этом нельзя не согласиться с Фроммом в том, что люди всегда вольны сделать экзистенциальный выбор – создавать ли себя как активного деятеля, или приспособиться к положению раба и заплатить за это регрессией своих моральных и интеллектуальных сил [11, 12, 13]. Адлер, раскрывая содержание “бессмертного, заложенного в физиологии человека” чувства общности, или социального чувства, разъясняет, что речь идет не просто о соответствующих переживаниях человека, но о его активности, которая истоком своим имеет креативную силу индивида [18, с. 98]. Иницируемая самим субъектом, эта сила изначально направлена на оценку и интерпретацию не только окружающего мира, но и собственных возможностей человека. Он, таким образом, выступает, по Адлеру, как субъект своих действий и смысловых отношений к миру, как ваятель себя. Утверждая, что креативное Я человека помогает ему противостоять царящим в обществе бедности, эксплуатации и стремиться преодолеть их, Адлер подчеркивает, что “плохие общественные условия” вызывают у личности агрессию, а также стремление к власти или к недоступному полному совершенству.

Две системы сил усматривает в природе человека и Маслоу. Одна система побуждает человека к развитию, росту, самоактуализации, преодолению неблагоприятных социальных условий, страданий и разочарований. Другая система заставляет его цепляться за безопасность, бояться независимости, свободы, истины. Составной частью такой мотивационной системы является, по словам Маслоу, “комплекс Ионы” [7, с. 47]. В него входит бегство от своих талантов, сдерживание не только худших, но и лучших устремлений.

Этот комплекс, по мнению Маслоу, сходен с выделенным еще греками страхом величия, вызывающим намеренное занижение уровня притязаний, уклонение от роста и развития, лукавое самоуничижение. Эти способы защиты от греховной гордыни и высокомерия Маслоу называет “психологическим членовредительством” [7, с. 51]. По его мнению, у одних людей преобладает система побуждений к росту, самоактуализации, выходу за пределы себя. Но это не значит, что у других людей метамотивация отсутствует – она лишь действует “порывами”, сменяясь регрессом, но возникая вновь [8]. Поэтому Маслоу убежден, что даже в самых неблагоприятных социальных и психологических условиях становящийся человек “вполне способен сам дать толчок своему развитию” [7, с. 29].

Подавляющее большинство психотерапевтов убеждены, что в каждом человеке есть силы, мотивирующие его по направлению к здоровью, плодотворному усилию, к реализации своих лучших возможностей. *Иначе психотерапия была бы невозможна.* Задача психотерапевта – устранить психологические помехи на пути творческих сил пациента, показать разрушительное влияние идеализированного образа Я, фиктивность цели обрести превосходство над всеми, раскрыть альтернативные пути решения жизненных проблем. Лечение в большинстве случаев заключается, по существу, в развитии у человека способности адекватно интерпретировать и осмысливать социальный мир, правильно истолковывать взаимоотношения людей, понимать себя, гибко менять несоответствующие действительности воззрения, позиции и формы поведения. Выражаясь современным языком, цель психотерапии – усовершенствовать и развивать у личности социальный интеллект (или разум). В зависимости от своих теоретических оснований одни терапевты открывают перед их подопечными возможность изменить жизненные цели и планы, другие – заменить генерализованную оценку личности оценкой отдельных ее поступков. Многие видят задачи психотерапии в развитии системы аргументации своих убеждений, собственной философии жизни, в укреплении стремления проверять искаженные представления в ситуации реальной жизни. Терапевты, работающие в русле теорий научения, стремятся научить людей новым социально-когнитивным умениям, развить способность продуктивно переформулировать свои жизненные проблемы. Например, пациент А. Бека свои страдания передал следующим образом: “Меня все игнорируют, потому что я неудачник”. После откровенных бесед и расспросов клиент по-новому сформулировал свои трудности: “Меня игнорируют, потому что моя манера общения не устраивает людей” (см. [4; лекция пятая]). Так была создана основа для приобретения пациентом продуктивных социальных умений, начиная от уме-

ний заводить разговор, контролировать адресуемые ему реакции окружающих, вплоть до способностей ставить и достигать реалистические цели, не рассматривая свою жизнь лишь в аспекте достижений и неудач.

Психотерапия Маслоу направлена на то, чтобы укрепить у человека силы самоактуализации, спонтанного выражения своих чувств и способностей; преодолеть тягу к безопасности, к тому, чтобы быть "как все". «Психотерапевт, — пишет Маслоу, — должен научить клиента не бояться "высунуться". Когда вы чувствуете приближение страха, всегда решайтесь быть мужественными» [7, с. 59]. Но какие бы типы деформаций развития человека, его личностных искажений, нерациональных убеждений, неадекватных представлений о мире и о себе ни обнаруживали названные нами персонологи, какими бы приемами ни пользовались, все они руководствуются этическим принципом: перед ними *субъект, обладающий свободой воли*. От его решения и от его усилий зависит, насколько он воспользуется предлагаемыми терапевтом новыми взглядами на свои трудности, новыми перспективами развития, перестройки сознания. По словам Адлера, "окончательные изменения в сущности пациента могут быть осуществлены только им самим" [1, с. 48]. Даже Бек — сторонник теории научения — доказывает, что в конечном итоге сам пациент решает: отвергнуть, модифицировать или сохранить свои убеждения, предварительно осознав все их последствия. Терапевт лишь поощряет его использовать новую информацию и факты для формирования более реалистических взглядов на мир (см. [4]). В то же время терапевт может обнаружить, что пришедший к нему за помощью человек недостаточно развит именно как субъект своей жизни. В таком случае задача терапевта помочь пациенту "восстановить себя, осознать свои настоящие чувства и желания, выработать свою собственную систему ценностей и построить свои отношения с другими людьми на основе своих чувств и убеждений" [15, с. 212].

Конечно, терапевтическая ситуация — это весьма специфическая и ограниченная часть жизни людей, нередко воспринимаемая ими как ущемляющая достоинство личности, ее свободу. Неудачи психотерапии частично кроются в этом факте. Поэтому многие психотерапевты подчеркивают, что психотерапевтическое значение имеет обычная жизнь индивида. Именно жизненные опыты формируют качества субъекта (инициация своих действий, принятие ответственности за их последствия, принятие решения об изменении жизненных планов, саморегуляция и т.д.). Так, Хорни, обсуждая проблему разрешения внутренних конфликтов, утверждает, что сама жизнь продолжает оставаться весьма эффективным терапевтом. На любого человека, поясняет она,

опыт может оказать достаточно сильное влияние, чтобы вызвать личностное изменение. Фактором позитивной перестройки личности может быть вдохновляющий пример полностью благополучного человека, или жизненная трагедия, приводящая невротика в тесное соприкосновение с другими людьми и вырывающая его из эгоцентрической изоляции. Иногда же негативные последствия неадекватного поведения оказываются настолько сильными, что человек сам преодолевает собственную ригидность и страхи [15, с. 231]. Маслоу после наблюдений, проведенных на фабрике, пришел к выводу о терапевтической роли труда, совместной работы в бригадах и других производственных объединениях. Поглощенность работой, единение с другими могут, по его словам, помочь даже тем, для кого индивидуальная терапия бесполезна [26]. Но наши современные условия характеризуются господством социальной аномии, обесцениванием прежних ценностей, ломкой не только устоявшихся общественных отношений, но и межличностных связей. В каких психологических понятиях можно выразить социальную атмосферу нашей социальной жизни, как она может быть представлена в индивидуально-психологической проекции? С нашей точки зрения, некоторые ориентиры для характеристики современного переломного момента общества можно найти в работах А. Маслоу о метапатологиях — последствиях депривации у личности ее метапотребностей или ценностей Бытия. Он выделяет 15 высших ценностей [8]. Среди них особенно депривированными при разрушении прежнего социального строя, по нашему мнению, являются следующие ценности: значимость жизни, ее осмысленность, справедливость, понятность, правда, порядок, красота (особенно красота человеческих отношений). В силу цельности, взаимосвязи высших мотивов, при депривации отдельной их группы оказываются депривированными и все остальные ценности Бытия. В результате многолетнего общения со своими пациентами, наблюдения за поведением людей в обыденной жизни и в сфере труда, Маслоу выделяет так называемые метапатологии, вызываемые невозможностью (или очень ограниченной возможностью) удовлетворить высшие потребности, утвердить Б-ценности. Это десакрализация жизни; бесцельная деструктивность, вандализм; неверие, цинизм, скептицизм, подозрительность; выраженный эгоизм, недоброжелательство; дезинтеграция, чувство что "мир распадается"; восприятие всего сущего в виде поединка, войны; утрата чувства безопасности, переживание непредсказуемости происходящего и т.д. [8, с. 330–333].

Маслоу не разработал приемов, пусть не "лечения", то хотя бы некоторой коррекции метапатологий. Возможно потому, что радикальным способом их устранения может быть преобразо-

вание, совершенствования общества. В своих работах психолог наметил некоторые принципы построения таких продуктивных социальных структур, назвав свои идеи "теорией Зет", принципиально отличной от теорий Икс и Игрек, представленных в организационной психологии. Идеи Маслоу о метапатологиях ставят перед отечественными психологами проблему исследования ценностно-смысловой сферы человека в современных условиях огромных усилий построить в нашей стране новое общество.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проанализировали лишь небольшую часть результатов, полученных психотерапевтами в процессе их практики изучения своих клиентов с деформациями сознания, личности, стиля жизни, отношений к миру. Многие из выявленных психологических искажений, нерациональных установок, ложных интерпретаций событий оказались порождением капиталистических общественных отношений, результатом принципа конкуренции, рыночной экономики. Показано неблагоприятное влияние на развитие личности таких "естественных" для западного общества мотивов, как жажда власти, стремление к преуспеванию, к превосходству любой ценой. В дополнение к понятию "идеального Я" введено представление о "идеализированном Я", о самоидеализации. Показаны причины и "механизмы" его сочетания с презрением и ненавистью к себе. Раскрыто содержание патологического, безусловного долженствования, генерализованного на все сферы жизни и любые ситуации. Описаны такие явления (тенденция к катастрофизации, персонализации и др.), происхождение которых требует дальнейших исследований.

Было бы крайне интересно сопоставить все эти данные с определенными нарушениями личностного развития в условиях социализма. Но в нашей стране психотерапия не получила распространения. Предполагалось, что в условиях социализма созданы все условия для свободного и полноценного развития личности. И некоторые основания для такого оптимистического подхода несомненно были. Отсутствие безработицы, всеобщая занятость, поощрение соревновательности, сочетающейся с помощью отстающим, "чувство локтя", ощущение защищенности различными социальными структурами и т.п. были предпосылками психического здоровья. Но, конечно, существовали и хорошо известные обстоятельства, связанные с особенностями социалистического строя в нашей стране, которые не могли не вызвать у одних — позицию противостояния, а у других "невротические ретроспективы". Можно надеяться лишь по крупицам собрать результаты немногочисленных исследований в этой об-

ласти. Однако приведенные выше психотерапевтические исследования значимы в контексте перерастания нашего общества в капиталистическое. Психологи должны быть готовы предвосхитить, найти условия для смягчения тех негативных феноменов, с которыми столкнулись западные психотерапевты. Развитие отечественной психотерапии — актуальная задача нашей науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1993.
2. Адлер А. Наука жить. Киев, 1997.
3. Адлер А. Понять природу человека. СПб., 1997.
4. Александров А.А. Современная психотерапия. Курс лекций. СПб.: Академический проект, 1997.
5. Анцыферова Л.И. Человек перед лицом жизни и смерти / Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1997.
6. Колобова Е.Ф. Личностные детерминанты когнитивно-аффективных отношений. Автореферат. канд. психол. наук. М., 1992.
7. Маслоу А. Психология бытия. Рефл-бук. Ваклер, 1997.
8. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1976.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
11. Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992.
12. Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегium, 1992.
13. Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995.
14. Холл К.С., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП, 1997.
15. Хорни К. Наши внутренние конфликты // Собр. соч. в трех томах. М.: Смысл, 1997.
16. Хорни К. Невроз и развитие личности // Собр. соч. в трех томах. М.: Смысл, 1997.
17. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.—М.—Харьков—Минск, 1997.
18. Adler A. Individual psychology // Psychologies of 1930. Ch. 21. Ed. by Carl Murchison, Worcester, Mass.: Clark University Press, 1930.
19. Allport G.W. Pattern and growth in personality. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1961.
20. Anthony E.J. Children at High Risk for Psychosis Grown up Successfully // The Invulnerable Child // Ed. by Anthony E.J., Cohler B.J. New York—London: The Guilford Press, 1987.
21. Ellis A. The biological basis of human irrationality // Journal of Individual Psychology. 1976. V. 32. № 2.
22. Ellis A. The Impossibility of achieving consistently Good Mental Health // American Psychologist. 1987. V. 42. № 4.

23. Erikson E.H., Erikson J.M., Kivnick H.Q. Vital Involvement in Old Age. New York-London: W.W. Norton and Co., 1986.
24. Kohlberg L. Essays in Moral Development. Vol. II.: The Psychology of Moral Development. San Francisco. Harper, Row. 1994. V. 2.
25. The Invulnerable Child // Ed. Anthony E.J., Cohler B.J. New York-London: Guilford Press, 1987.
26. Maslow A.H. Eupsychian Management: A Journal. Homewood, Ill.: Irwin-Dorsey, 1965.
27. Thomae H. Das Individuum und seine Welt. Verlag für Psychologie. Dr. C.J. Hogrefe-Göttingen. Toronto-Zürich, 1996.

HUMAN POSSIBILITIES FOR GETTING OVER THE DEFORMATION OF PERSONALITY DEVELOPMENT

L. I. Antzyferova

Dr. sci. (psychology), professor, honored scientist of RF, head res., ass. of IP RAS, Moscow

The perspectives of the establishment of capitalistic social relations in Russia stimulates to take up experiences of West psychotherapists, e.g., personologists. They reveal the deformations of the development of personality, the distortions of consciousness, nontraditional interpretations of social situations and other mental disorders raised by the market economics and competition. It was shown that the health constructive human possibilities resist the unfavourable pressure of society and form the "spaces of the personal freedom".

Key words: market economics, distortions of consciousness and interpersonal relations, self-idealization, tyranny of obligation, inner dictates, striving for development and health, possibilities of the stable positive development.